

Tamara Goncharova

Лингвистический анализ аргументации
в политическом диалоге

В настоящее время происходит становление политического дискурса-анализа как самостоятельной дисциплины. Перспективы развития этой дисциплины связаны с использованием лингвистических (филологических) методов анализа политических текстов. Прежде чем обратиться к лингвистической интерпретации политического диалога, несколько слов хотелось бы сказать о том, что политический диалог рассматривается нами как один из видов политического дискурса. В данном случае неизбежно приходится говорить о таком аспекте, как реализация «языка власти» в рамках современной антропоцентрично ориентированной коммуникативной лингвистики (Tretyakova 1995: 225).

Разница в подходе к анализу политического языка нередко заключается в принятии таких отправных точек исследования политических текстов, которые определяют сами ученые. Так, например, в политологии дискурс-анализ ведется по работам Макса Вебера о понимании (*Verstehen*), социальным практикам школы Л. Альтюссера, согласно которым интерпретация понимается как преобразование «реальных» отношений в идеологические позиции, а также с учетом современных достижений Бирмингемской школы. Связь этих направлений политического дискурс-анализа с лингвистическими исследованиями заключается в следующих моментах: 1) обращение к структурной лингвистике (работы Ф. де Соссюра и французских структуралистов); 2) применение прагмалингвистических принципов анализа (работы Дж. Остина, Дж. Серля, П. Грайса и Дж. Лича); 3) соблюдение принципов социолингвистического анализа (Е. Гофман, С. Эрвин-Трипп, У. Лабов); 4) лингвистики текста (Т. Ван Дейк).

Следует также отметить сближение таких дисциплин, как философия языка и лингвистика. Так, например, «теория языковых актов», разработанная философами-аналитиками, воспринималась как лингвистическая школа. В политологических и лингвистических исследованиях в данное время часто используются данные семиотики, особенно в связи с тем, что дискурс-анализ, конвент-анализ и интен-анализ тесно связаны с онтологией человеческой деятельности (Ильин 2001: 12).

В лингвистике дискурс-анализ не противопоставляется лингвистике текста, но акцент переносится со структурно-семантических аспектов на знаково-информационные составляющие текста.

В XXI веке в связи с процессом глобализации *власть* понимается не только как форма права и политики в управлении, но и шире, как способ оценивать социальную опасность, которую излучают властные институты. Средством как оценки, так и манипулирования становится сам язык. В связи с широким распространением информационных технологий особое значение приобретает английский язык, и именно на его примере можно рассмотреть некоторые из процессов использования языка для реализации власти.

Современные компьютерные технологии приводят к созданию особого «виртуального» английского, который служит средством коммуникации в электронной почте, конференциях и чатах. Интервью политических лидеров в Интернете также заслуживают отдельных исследований, поскольку комплексный способ подачи информации с гиперссылками, размещение материала на веб-страницах требуют разработки новых интегративных методик анализа. Интерпретация становится очень важным фактором влияния как способ осуществления власти. Считается, что общение уже происходит на постанглийском языке – с целью социализации в виртуальном пространстве.

Принципы языка политики/политиков можно сравнить с принципами новоязыка (*newspeak*), который писатель Дж. Оруэлл придумал в своем известном романе «1984». К ним относятся: 1) сокращение тезауруса; 2) устранение полисемии; 3) слова как пустые оболочки; 4) избыток готовых клише и сокращений; 5) антонимичные эвфемизмы; 6) развитие в прошлое (то есть распространение существующих факторов как таких, которые уже потенциально существовали; 7) развитие до заранее установленного состояния. В качестве примера можно привести исследования, касающиеся

отдельных политических эвфемизмов: *tax increase = revenue enhancement* (увеличение налогов = рост доходов); *MX missile = peacekeeper* (ракета MX = миротворец); *Genocide = ethnic cleansing* (геноцид = этнические чистки) (Вайнрих 1987: 46).

Эти и подобные понятия попадают в словари и справочники типа *Doublespeak Defined*. Harper Collins (1999). Можно уже говорить о возникновении своеобразной политической диглоссии, когда мы имеем как бы два разных языка – язык официальной пропаганды и язык повседневный (Демьянков 2003: 10).

Хотелось бы подчеркнуть тот факт, что в конце XX века принципиально изменилась парадигма анализа материала, и именно коммуникативная лингвистика стала тем перекрестком, на котором создаются междисциплинарные исследования риторики, теории аргументации, которые включают в себя аналитические, герменевтические подходы, а также привлекают семантические и семиотические методики. Значительному воздействию подвергается парадигма исследования, и политический дискурс рассматривается с новых антропоцентрических и когнитивно-дискурсивных позиций. Это, прежде всего, связано с тем, что анализ политического дискурса без учета взаимодействия многих антропоцентрических параметров (интенция, эмоциональное состояние, социальный статус, культурный фон, соотношение когнитивных и коммуникативных структур и т.д.) становится лишь схемой без возможности определить побудительные силы самого дискурса.

Антропоцентризм – это направление, которое делает акцент исключительно на поиске системных свойств, которые отображают человеческое поведение, в том числе и речевое.

Понятие антропоцентризма в лингвистике как проявление человеческого фактора в языке стало довольно распространенным, особенно в связи с развитием психолингвистики и прагмалингвистики. Этим термином обозначают два круга явлений: *систему понятий*, которая отображает сферу деятельности человека, включая политическую деятельность, и *систему анализа текстов* (высказываний) с точки зрения коммуникативного процесса – анализ интенций говорящих лиц, и интерпретацию этих высказываний адресатом.

Если в первом случае лингвистический анализ (в том числе и семантический) связан с выделением ограниченной единицы, то в другом единицей считается такое сложное явление, как ком-

муникативный акт, то есть определенная модель или схема организации человеческого общения. Кристаллизация антропометрично ориентированных систем анализа в обоих случаях связана с проблемами интеракции, то есть взаимоотношений языка, сознания и речи.

Обычно ученые выделяют семантический, синтаксический и прагматический подходы к исследованиям философии языка и, в свою очередь выделяют три соответствующих раздела философии: философия имени, философия предиката и философия эгоцентричных слов (Мангейм, Рич 1997).

Сейчас более широкое понимание парадигмы, чем простой набор правил построения систем, также находит понимание. Под парадигмой в этом случае понимается такая совокупность лингвистических классов, которая имеет общие признаки и способность вызывать подобные ассоциации. При этом сами единицы отличаются одна от другой по другим параметрам (например, по количеству элементов). Тогда обычное противопоставление парадигматики и синтагматики становится несущественным. Так, если под синтагматикой понимали лингвистический процесс, текст, то в построении теорий с учетом таких психолингвистических факторов, как целостность и связность текста, ученые говорят о «парадигме текста» и «парадигме текстов», что в структурной лингвистике было бы недопустимым.

Таким образом, *антропоцентрической лингвистической парадигмой* можно считать определенную модель организации языковых единиц, связанную с рассмотрением динамики существования единицы в коммуникативном пространстве определенного общества. Эвристическую целесообразность исследования при этом не следует воспринимать как онтологическое свойство объекта исследования, хотя именно сфера научных интересов исследователя позволяет определить парадигмальные свойства единицы. Антропоцентрическая парадигма в эпоху глобализации становится особенно важной, поскольку интерпретационная составляющая связана с языком как модельной системой интерпретатора. Для лингвиста это структурные схемы текста и схемы аргументации (Яковлев 2000). В процессе интерпретации реконструируется или, иначе говоря, моделируется умственный мир на усмотрение интерпретатора (в нашем случае, лингвиста). Предметом описания становится и реальное, и иногда нереальное, но желаемое положение. В антропоцентрической лингвистической парадигме исчезает граница между универсальностью

изучения языка и многочисленными аспектами дискурсивных практик. Таким образом, исчезает проблема редукции дискурса до изучения исключительно языковых явлений – и возникает расширение в направлении возможных моделей интерпретации.

В пределах семантико-структурного направления ведется счет предикатов, устанавливаются референциальные отношения, различные связи внутри текста (анафорические, синонимические, антонимические), определяется функциональная перспектива высказывания и т.д. Коммуникативно-семантическая модель связана с проблематикой интерпретаций содержания. Если автор текста – политик, то для влияния он использует разные сознательные коммуникативные тактики влияния с привлечением аргументации. Для создания моделей берутся данные социолингвистики, антропологии, семиологии. Дискурс-анализ не противопоставляется лингвистическому и интертекстуальному анализу текста. Интегральный подход, учитывающий как коммуникативные, так и когнитивные аспекты, связан также с развитием *когнитивно-дискурсивной* парадигмы, которая выступает как научная парадигма знания.

Диалогичность политического текста заключается в том, что любой текст рассматривается с точки зрения наличия такой составляющей знания, как *влияние/убеждение*. Но, утверждая необходимость функционального исследования текста, лингвистическая семантика остается в пределах анализа дискретных элементов языковой системы. Исследование же текста как предмета языково-мыслительной деятельности включает в себя исследование соотношения лингвистических и экстралингвистических компонентов, которые направлены на эффективность убеждения и аргументации. Далеко не всегда аргументация имеет логически правильный и рациональный характер; нередко именно ошибки (*fallacies*) определяют развитие успеха/неудачи дискурса. Эти ошибки могут быть и преднамеренными. Соответственно, политический текст становится предметом пристального внимания и как способ убеждения или манипуляции, и как некий объект для определения видов аргументов и ошибок. Хотя аргументация – это явление использования языка, ее нельзя рассматривать с точки зрения исключительно лингвистики, поскольку необходимо раскрывать логическую структуру текста, т. е. схему, с помощью которой и осуществляется аргументация. В качестве схемы наиболее распространенной используется схема С. Тулмина, как некая конструкция, имеющая ряд имплицитных

дополнений. Основными ее составляющими являются посылки, обоснования, ограничители. Все эти элементы можно описать лишь языком, который понятен аудитории. Следовательно, наличие манеры речи и понимание зависят от интерпретации речевого поведения (Тимохина 2007).

Поскольку политическому дискурсу свойственна полемичность, то она становится, так сказать, театрализованной агрессией, направленной на внушение негативного отношения к политическим противникам и навязывание отличных ценностей и оценок. Политический диалог можно рассматривать как форму коммуникативного взаимодействия, которая осуществляется языковыми способами, имеет политический смысл и направлена на поиск политической позиции, согласование намерений проявления общих интересов. В этом отношении политический диалог является ненасильственным осуществлением власти и реализации политической воли сторон на основе открытости (не исключая возможность ошибок) и взаимопонимания (не исключая нарушений постулатов коммуникативного взаимодействия). Текст политического диалога представляет собой аргументативный дискурс, состоящий из ряда высказываний в защиту одной или нескольких точек зрения. Таким образом, можно сопоставить процесс аргументации и политический диалог (Tretyakova 1995: 226).

В качестве примеров можно привести некоторые формы политической дискуссии, которые выделены на материале слушаний Комитета по Внешней политике Палаты представителей США (1) *Hearings before the Subcommittees on Europe and the Middle East, and on International Economic Policy and Trade of the Committee on Foreign Affairs. House of Representatives. One hundredth Congress, 1988*; (2) *One hundredth first Congress, 1989*. Основные стадии политического диалога: 1) открытие, заявление, комментарии – высказывание позиции, внесение конкретных предложений и формирование тематической рамки, связанной с обсуждаемыми вопросами; 2) сведения о позициях участников диалога; 3) этап вопросов и уточнений, т.е. собственно дискуссии. Стадии политического диалога можно сравнить со стадиями критической дискуссии. Каждому этапу свойственно наличие тех или иных стереотипных высказываний. Так, например, на первом этапе встречаются такие стереотипные фразы, как: *I appreciate..., I want to acknowledge..., I want to say..., I want to focus my remarks..., I want to inject....*, которые раскрывают желание говорящего выска-

зать свои намерения. Именно аргументативная схема определяется апелляционными высказываниями: *Have you any idea...? Why...?*, *Did you say...?*, *You see...*, и эгореференциальными фразами типа: *I mean...*, *I think...*, *I mean...*, *I don't know...?*, которые помогают организовать собственную аргументацию. В неподготовленных рассуждениях встречаются интенсификаторы типа: *just*, *very often*, *categorically*, а на третьем этапе возникают стереотипные мини-диалоги, построенные по схеме верификации – *Is this...? Will it...?* или уточнения: *Why shouldn't...? Why introduce...?* По сути, эти коммуникативные стереотипы являются теми рудиментарными высказываниями, которые принимают участие в создании особенных лексических узлов и проходят путь от прямой номинации до идиоматизированной, как это произошло с клише: *I mean*, *You know*, *I think*. Они служат для смягчения коммуникативного намерения или выполняют метакоммуникативную функцию.

Кроме стереотипных фраз, выделяют также типы аргументов и стереотипные схемы аргументации. К ним относятся схемы, которые отображают симптоматические отношения, отношения подобия, базирующиеся на аналогии, и активные отношения во время попыток убедить аудиторию с помощью определения отношений между посылкой и высказанной мыслью. Схемы, виды аргументов и типовые фразы, лежащие в основе текстов политических дискуссий, создают разные уровни стереотипности (Tretyakova 1995: 227). В политическом диалоге текстов палаты представителей конгресса США, например, можно выделить такие типы аргументов:

1) *Убеждение*, целью которого является достижение взаимопонимания, необходимого для совместной деятельности участников. Убеждение осуществляется посредством информирования, которое вводится предикатами, которые означают когнитивную деятельность человека (*see*, *observe*, *indicate*, *find*, *examine*). Например,

Mr. Levine (1) What are the implications in your view, you offer us with regard to General Secretary Gorbachev's reform program in the Soviet Union?... **Mr. Naylor** (2) I take a somewhat more optimistic view; (3) Soviet officials tell me that none of these laws are set concrete, they are open to negotiations, they are flexible; (4) The unfortunate thing is while American businessmen sit around and pick the laws to pieces, the choice deals will go to the West Germans, French, Swedes and Japanese (1: 78).

В данном диалоге собственное убеждение заключается в реплике (3), которая состоит из четырех речевых актов (двух ассертивов и двух декларативов). Это свидетельствует об открытости дискуссии.

2) *Обоснование*, т. е. внедрение фактической аргументации, пояснения (для интерпретации сообщения, которое уже воспринято) или подтверждения (сообщение об источнике получения знаний, но без дополнительного коммуникативного фокуса).

Mr. Peck one reason why I do not think a shura can be held is because/it cannot physically, people cannot physically gather in safety in large numbers (2: 98).

В данном случае тезис *I do not think a shura can be held* аргументируется определенным общеизвестным фактом *people cannot physically gather in safety in large numbers*. Реплика представлена высказыванием с каузативно-консеквентным значением, со смягченным коммуникативным намерением (стереотипное высказывание *I think*).

3) *Оценка* представлена речевыми актами утверждения допущения, одобрения/осуждения, а также комментариями эмоционально-оценочного порядка – радости, разочарования, гнева, жалости. Например,

Mr. Simons (1) In other words it will strike the Jackson-Vanik Amendment from the President's hands as a tool of foreign Policy and that has much larger implications than for Romania, and it seems to me that that is a consequence which is certain and that was the purpose of my remark.

Mr. Christopher H. Smith (2) I would suggest that your perspective is a little fatalistic. (3) To say that it is impossible for MFB to be an incentive is awfully sweeping and broad. (4) The amendment itself calls for suspension and it would be resumed as long as it has been certified there has been some progress. (5). Again, we are not talking about revocation; we are talking about a suspension and that should not be lost. (6) I think the Soviet Union and other Communist countries would see that the Jackson-Vanik amendment in the Congress does not just gather dust, that we use it, if we see that there are problems and take action (1: 44).

Политический диалог начинается с итоговой фразы как обращения к процессу аргументации, после чего возникает антагонистическая реакция, которая вводится предикатом *suggest*. Высказывание (3) можно рассматривать в качестве аргумента оценки, выраженной речевым актом утверждения с категоричным отрицанием точки зре-

ния протагониста. Антагонист также реагирует достаточно эмоционально (6), доказывая ошибочность тезиса протагониста. Тем самым аргумент оценки в основном касается расставления акцентов на выдвинутых аргументах, которые вводятся предикатами знания и мысли (*think believe, seem appear*) и модификаторами (*possibly, surely*).

Для лингвистической интерпретации принципиально важным фактором становится и выделение способов аргументации. Некоторыми из них можно считать: пример (вычисления, цифры), ссылки (на авторитет, на очевидный факт), цитирование и т.д. Рассмотрим некоторые из них:

Пример дается в качестве дополнительного аргумента.

Mr. Bereuter (1) ...I will ask for continued help on educating colleagues on the positive impacts of marketing loans. **Mr. Andreas** (2) Well thank you. (3) Let me give an example. (4) Soybeans are owned by the Commodity Credit Corporation. Because we do that, Brazil and Argentina are increasing their soy production as fast as they possibly can. We are trying to get export enhancement relief on, say, soybeans oil so that we can participate in the export market.. (5) It is essential that we be competitive in the soybeans and soybean oil business. (6) If we don't, Brazil would be able to sell the soybeans. (7) Now that could become a political problem (1: 187).

Высказывание (4) содержит описание ситуации и делает вывод о тносительно того, к чему это может привести (5).

Ссылки на адресата (протагониста) или авторитетную особу встречаются достаточно часто в политической дискуссии:

Mr. Christopher H. Smith: You also noted that Mr. Gorbachev seems to permit bankruptcy and unemployment (1: 80)

или

Mr. Smith: Dr. Ericson You were speaking earlier about how the republics apparently are taking more responsibilities upon themselves, but my understanding is that the Ukrainian Part Chief has been a very strong impediment to Gorbachev's plans and opposes them very actively (1:82).

Цитирование – точное обращение к словам другого человека с обозначением источника:

Mr. Christopher H. Smith (1) Dr Hewett You advised us that we should have modest expectations on performance of Gorbachev's plans/ He has

suggested in one of his plans that a 4 percent GNP growth rate with a doubling of the output by the year 2000 is what he envisions. Do you think that is realistic or is that pie in the sky? **Mr. Hewette** (2) It is probably unrealistic.(3) One of the interesting things about the General Secretary is that in his first year, year and a half, he put a tremendous emphasis on growth rates when he talked about an accelerating in this society (4) But Gorbachev has also stressed the importance of product quality. (5) In effect he has said "I want two things: high growth and quality" (1: 79-80).

Диалогическая реплика начинается со ссылки на своего собеседника с помощью высказывания *you advised me that*, что указывает на источник недоумения, которое выражено в вопросе. Далее (2) идет оценка тезиса протагониста и аргументация методом обоснования оценки (3), но точные цифры и факты тут не приводятся. Собственно цитирование дается в (5), хотя аргументированным высказыванием его можно считать лишь при условии достаточной информированности аудитории.

Лингвистический аргументативный анализ политического дискурса связан с разными жанрами диалогического общения. Так, например, это может быть диалог политических дебатов или диалог-интервью политических деятелей. Например, в унисонном интервью нет положения конфронтации, и аргументация базируется на отношении аналогии ссылки и высказанной точки зрения. В интервью-допросе, несмотря на видимую нейтральность вопросов, акцент всегда делается на получение актуальной или новой информации. В этом случае отношения между ссылкой и точкой зрения имеют симптоматический характер, т. е. они построены на принципах доверия. В так называемых агрессивных интервью основная цель заключается в дискредитации политического положения или политического образа человека. В этом случае между посылкой и точкой зрения складываются активные отношения (Михальская 2000). В качестве агрессивного интервью можно привести интервью, которое В.В. Путин дал корреспонденту канадского радио Корнье.

Cornier, CBC: Have you decided, Mr. President, to give a pardon to MR. Edmund Pope?

Putin (Translation): According to the legislation in force in the Russian Federation, such a decision may be effective only after a decision of the court. It will be effective on December 14 at midnight. Only after that can

I make a decision. **Translation 2:** “Under our legislation such a decision can only be taken after the decision by court, the court verdict has entered into a force and that will happen on the 14th December 14th at zero hours. And I will be in a position to take that decision only after that”.

В интервью наблюдается повторение вопроса и два варианта перевода на английский язык ответа В.В. Путина, что свидетельствует о важности интерпретации обсуждаемых вопросов. Далее следует вопрос об образе России, сложившемся у канадцев, и возможности изменения этого представления.

Cornier CBC: Mr. President, the image Canadians have of the relationship between Russia and Canada is about hockey. Now what image *do you want to project about Russia* to Canadians and the image that *you want to project about yourself to Canadians*?

Putin (translation): “The impression which has been with regard to hockey during first match between national team and Russian team in 1972 – we are good neighbours. We are strong states/We have things to be proud of/We are almost neighbours in our territory in the North/We are in a position to resolve our issues on a good neighbourly position and we have the prospects of resolving our common problems jointly.”

Cornier CBC: What image do you have of Canada? *Do you know the country at all?*

Putin (translation): “It is not very difficult to make a conclusion with regard to what kind of country Canada is because I visited that country just one time about six years ago. I was in the south of Canada in one of scientific centers and in addition I have to say that we are very similar countries with regard to sizes of our territories. We are vast countries. Russia. As we know is the largest country as to its territory in the world and Canada follows in that list.”

В данном случае мы наблюдаем ряд апелляционных вопросов, которые можно отнести к дерзким, поскольку журналист намекает на отсутствие соответствующего понимания Канады у президента России. В ответе президент старается перевести интервью в русло более дружелюбного отношения, говоря о влиянии на мировой арене, близости Канады и России в плане обширности территорий.

Далее журналист энергично переходит к серии утверждений относительно негативных сторон жизни в России.

Cornier, CBC: Mr. President, Canadians have maybe a bad image of Russia, the wrong image but they think it's a place that you can't really do

business, that it's maybe poor or not yet very organized. can you say anything to Canadians? Can you do anything to change that perception? **Putin (translation):** "First of all, we have to root out those problems which do exist in reality and secondly objectively and in full to show the real picture of life in our country. It is true that we cannot say that our population is fairly rich. We cannot say that our population is rich – there are many low-income people and there are lots of poor people. This is a fact."

В ответе наблюдается рефлексия, и В.В. Путин использует модальные операторы, которые содержал и сам запрос. Этот факт свидетельствует о незаурядной риторической компетентности В.В. Путина.

Следовательно, лингвистический анализ аргументации в политическом диалоге связан с риторически ориентированными моделями интерпретации. Эти модели связаны с антропоцентрической парадигмой представления политического текста. Антропоцентрическая парадигма в эпоху глобализационных процессов приобретает особенное значение, поскольку интерпретационная составляющая связана с языком как модельной системой интерпретатора. Для лингвиста это структурные схемы текста и схемы аргументации.

Так называемая теория аргументации как интеграционная дисциплина связана с развитием философских и лингвистических проблем в аспекте развития цивилизации, в частности цивилизующего влияния дискурса. Этот процесс, в свою очередь, определяет эволюция стратегии и тактики власти, которая в форме легитимного права руководит человеческим поведением. Тема «язык и власть» также становится ведущей в исследованиях этого направления. В качестве основ власти выступают не только политические институты, но и сами дискурсивные практики, влияющие на сознание. Стереотипы дискурсивных практик, видоизменяясь, в свою очередь изменяют стереотипы сознания. Антропоцентрическая и когнитивно-дискурсивная парадигмы изучения политического дискурса являются весьма перспективными для современных лингвистических исследований.

Библиография

- Демьянков В.З., 2003: *Политический дискурс как предмет политологической филологии*, Москва.
- Вайнрих Х., 1987: *Лингвистика лжи*, [в сб.:] *Язык и моделирование социального взаимодействия*, Москва, с. 38-56.
- Ильин М.В., 2001: *Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий*, Москва.
- Мангейм Д., Рич Р., 1997: *Политология и методы исследований*, Москва.

- Михальская А.К., 2000: *Метод анализа и описания речевого поведения политика в интервью*, [в сб.:] *Журналистика: Тез. Науч.-практ. конф. Часть 5*, Москва, МГУ, с. 78-80.
- Тимохина А.А., 2007: *Контент-анализ как метод исследования средств массовой информации*, <http://www.glasnet.ru/>.
- Яковлев И.Г., 1998: *Проблемы политического анализа на основе компьютерных технологий*, Москва.
- Cornier M., 2002: *An interview with Vladimir Putin, 13 June 2002*, <http://cbc.ca/indepth/putin>.
- Tretyakova T.P., 1995: *Levels of stereotype in political discussions from the perspective of argumentation theory / Special Fields and Cases // Proceedings of the Fourth International Conference of the International Society for the Study of Argumentation, June 21-24 1994, Sic Sat, Amsterdam, The Netherlands*, pp. 225-239.

Linguistic Analysis of Argumentation in a Political Dialogue

Summary

Nowadays political discourse-analysis becomes an independent discipline. Perspectives of its development concern the use of linguistic methods in the political text analysis. We take up a political dialogue as a kind of political discourse. Dialogism of a political text is in the fact that any text is considered from the viewpoint of the presence of such knowledge constituents as *impact/persuasion*. Studying the text includes studying correlation of linguistic and extralinguistic components, aimed at effectiveness of persuasion and argumentation. Argumentation is not always of a logically correct and rational character; quite often it is the fallacies that determine success/failure of the discourse. Though argumentation is a phenomenon of the language use, it cannot be regarded from the viewpoint of linguistics alone, as the logical structure of the text (i.e. the scheme argumentation is realized with) should be exposed. The text of a political dialogue constitutes an argumentative discourse, consisting of a number of statements supporting one or several viewpoints. Thus one can compare the process of argumentation and political dialogue. The article is an attempt to analyze the political dialogue from the philological viewpoint.

Tamara Goncharova – prof. nadzw. Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego na Wydziale Humanistycznym, w Instytucie Neofilologii i Lingwistyki Stosowanej; doc. dr. filologii na Charkowskim Uniwersytecie im. W. Karazina (Ukraina). Za-
interesowania naukowe: językoznawstwo (psycholingwistyka, socjolingwistyka),
teoria przekładu, metodyka nauczania języka angielskiego jako obcego. W do-
robku naukowym ma ponad 55 artykułów naukowych i prac metodycznych.